

Елена Котзева

Надгая
с Олимпна

Елена А. Кожева

Падая с Олимпа

Серия «Библиотека любовных романов»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48453541

*Падая с Олимпа: Общественная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков; Москва; 2019
ISBN 978-5-907254-02-2*

Аннотация

Виталий красив, как античный бог. Перед его обаянием не могут устоять ни женщины, ни мужчины – как простые обыватели, так и полные демонического очарования загадочные личности. Однако его лучший друг Александр уверен: слишком легкая жизнь таит подвох, а человек должен стремиться поступать не из выгоды, но по совести. Кто же был истинной любовью хитроумного плейбоя? А может быть, судьба предназначила ему более высокие и вечные чувства, нежели интерес к смертным? Книга Елены Кожевой даст ответ на этот вопрос – ведь после падения с Олимпа еще есть куда подняться.

Содержание

Роман «Падая с Олимпа»	7
1	9
2	17
3	23
4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Кожева

Падая с Олимпа

© Елена Кожева, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2019

* * *

Кожева Елена Борисовна

Родилась и выросла в Иркутске. Окончила Сибирский колледж строительства и предпринимательства по специальности «инженер-строитель».

Литературой увлечена с детства, первый роман написала в 14 лет. Опубликованы роман «2000 часов», рассказ «Мой счастливый черный кот» (вошедший в сборник «Зимняя сказка»), роман «Мой друг Симоне» (в сборнике «Черное, красное, белое». МОО «СПИК Титул, 2017).

Роман «Падая с Олимпа»

Я лучше обо всем напишу. Так будет правильнее. Наверное, в жизни каждого наступает такой момент, когда, глядя в глаза напротив, не особенно хочется трепаться, изливая душу. Я лучше напишу. Пусть читают, выносят приговор, осуждают, но пусть это случится позже – когда я свыкнусь с мыслью, что все кончено, потеряно, что я сам поставил точку на последнем листке своей жизни.

Думаю, не стоит ныть и жалеть себя. Случись мне встретить Дьявола во всем его грозном величии – я обратился бы к нему с одной-единственной просьбой: дать мне шанс повторить пройденный мною путь и ничего не менять. Я правда ничего не хочу менять, правда! Я был счастлив, черт, да я даже в детстве не бывал так счастлив, когда мне дарили игрушки и водили кататься на «чертовом колесе»! Нет! Счастье – это встретить свою любовь и подняться за ней на вершину самой высокой горы или рухнуть на острые камни глубочайшего ущелья. У меня была такая любовь, и хоть я сейчас пишу о ней с пронизывающей горечью, мне нечем больше похвалиться перед людьми, в руки которых попадет когда-нибудь эта рукопись. Я позволил им, моим будущим читателям, осудить меня, но очень бы хотелось, чтобы они постарались понять: не бывает праведников, не совершивших постыдных деяний, как не бывает подонков, не желавших со-

творить добро. Благими намерениями выстлана дорога в ад, но понять это можно только угодив туда и увидев своими глазами костры инквизиции, пылающие и зовущие.

Но даже умирая, я буду видеть карие глаза и каштановые густые пряди, пахнувшие медом, а пленительная, чуточку наглая улыбка будет освещать мне путь в чужую, потустороннюю бездну.

Деньги – это средство к осуществлению надежд. Сами по себе деньги – полная фигня, бумажки и железки, не более, но вот то, что можно совершить с их помощью, действительно заслуживает внимания. Всё, даже бесценные на первый взгляд вещи, имеет свою стоимость. Я всегда презирал деньги, быстро поняв своим недетским умом, что ничего хорошего от них моя семья не видела. Чтобы правильно тратить деньги, нужен безупречный вкус, иначе процесс зарабатывания и траты превратится в нудное бессмысленное действие, не приносящее никакой радости.

Мы жили бедно. Мать пила почти каждый день, а отец напивался до такой степени, что его состояние и опьянением-то назвать было нельзя. Оба они работали от случая к случаю: мать мыла полы, подметала двор перед подъездом, собирала бутылки, отец... а черт с ним! Денег не было никогда. Жалкие копейки тратились на хлеб и водку, которую разливал по грязным бутылкам сосед с первого этажа, делая ее из технического спирта.

Я ненавидел своих родителей. Часто, слыша по телевизору утверждения, что дети из неблагополучных семей, избитые и голодные, все равно продолжают любить своих пап и мам, я хохотал и злился. Меня это не касалось. Я ненавидел их и все ждал, что вот однажды подъедет к нашему до-

му большая красивая машина и увезет меня в чистый светлый дом на холме, а встречать меня выйдет другая мама – синеглазая, в длинном шелковом платье. Мечты оставались мечтами, а ненависть росла вместе со мной. И еще я не пил. Пока оставался ребенком, мне никто не предлагал, а потом, повзрослев, я начал понимать, что пьянство – это тупиковый путь. Мне не нравился запах спиртного, мне ненавистны были пьяные грязные люди, похожие больше на помоечных собак, чем на людей. Я ненавидел ругань и грязь, тараканов в заплесневевших тарелках, битые бутылки на рваном, утратившем цвет линолеуме. Смерд, тараканы, мыши, холод, брань, грохот кулаком в дверь в четыре часа утра, слезы матери... Бож-же, какой странной и отвратительной была моя юность!

Но с тех пор, как мне исполнилось семнадцать, меня не покидало чувство, что я создан для другой участи. Я неплохо, хоть и с ленцой, учился, много читал, проглотив всю школьную библиотеку за какие-то два года. И, несмотря на отсутствие друзей, научился получать от людей желаемое. Скорее всего, меня жалели, а может, даже и восхищались моей силой воли. Я с гордостью, бывало, говорил, что не поддавался дурному влиянию семьи, а нашел свой, правильный путь. Дома на меня плевать хотели, кажется, забыв, что я есть на белом свете, – и я был обречен делать выбор: идти шляться по помойкам и воровать (а потом, само собой, сесть на шею государству в одной из колоний) или начать делать

то, что делал я. Стараться выплыть. Любой ценой. Учителя меня зауважали, парни сторонились, потому что ни одному семнадцатилетнему представителю сильной половины человечества, учащемуся в провинциальной, захламленной школе, не придет в голову посвящать себя наукам. А девчонки? Я очень нравился девушкам, они прямо-таки с ума от меня сходили, и это притом, что одет я был неважно и модных стрижек не делал. Домой я их по понятным причинам не приглашал, и занимался любовью в их девичьих спаленках с чистенькими обоями в слоников и кружевными шторками. И подарков я им не дарил, и комплиментов не делал. Правда, позже я научился всем этим премудростям и бросал почти сразу после близости...

Однажды я спросил очередную подружку, весело болтавшую, лежа со мной рядом на меховом покрывале:

– Что ты находишь во мне? Ведь меня даже наркоманы сторонятся!

Она заткнулась и недоумевающе уставилась на меня:

– Ты чего, совсем уже? Че всякую ерунду спрашиваешь? Ты же король секса!

Можно подумать, что в свои неполные семнадцать она была в состоянии отличить короля от шута! Ее трахнули-то всего неделю назад! Ненавижу ложь! Я ее как человека просил ответить, а она понесла свой бабий бред, нахватавшись от подружек непонятных эпитетов из дешевого кино. Мне правда было важно знать. Я же постигал в ту пору самого себя. Я

спросил ее снова:

– Это все полная чушь! – Мой тон отрезвил ее. – Ты не могла знать, какой я в постели, когда только познакомилась со мной, разве нет?

Тут она скисла:

– Да, не могла, но девчонки говорили... А потом, у тебя такой взгляд! – Глаза ее восторженно распахнулись. Это было уже ближе к делу, и я ободряюще хмыкнул:

– Что за взгляд?

– Такой... такой дикий, внимательный. – Она облизнула губы и снова полезла целоваться.

Что ж, познавательно. Девочке захотелось экзотики, а кто я еще, как не экзотика: парень из трущоб, от которого разит только им самим и во взгляде которого вечный голод! Пусть так. Потом я еще не раз слышал нечто подобное и не раз видел сумасшедшие женские глаза, следившие за каждым моим движением. Это льстило и быстро надоело. Я, поняв, что женщину можно покорить не дорогими игрушками, не брюликами и не интеллектом, а простой сексуальностью, устал от этих игр. И стал искать что-нибудь стоящее, чтобы страсть поднялась выше пояса к мозгу и там превратилась бы в сильное, сметающее все на своем пути чувство.

После школы я поступил в институт на архитектурный факультет. Мне было все равно, где продолжать образование. На родителей надежды не было. Мать к тому времени превратилась в трясущуюся каргу, отец частенько не возвра-

щался домой, спал на полу в подъезде за мусоропроводом, и по нему ползали вши. Я ушел жить в общежитие и с первой же стипендии купил себе приличные джинсы.

В институте история с девушками повторилась. Существенным отличием было только то, что я перестал спать со всеми подряд, опасаясь всяких мерзких болезней. Недавно в соседней комнате умер парень – пятикурсник с машиностроительного. Поговаривали, что от гепатита С. «Мне только умирать не хватало!» – думал я, слушая его соседа Сашку Черемилова, рассказывающего мне эту печальную историю во всех подробностях. Сашка был в курсе моих походов, он-то как раз и явился моим вроде как спасителем.

– Ты бы, Виталя, унял свои гормоны, – закуривая, мрачно поглядел он на меня из-под густых бровей. – «Цивилизация и сифилизация развиваются параллельно», как говаривал доктор Ван Хельсинг, и здесь он оказался абсолютно прав.

– Спасибо за совет, – фыркнул я, – только он слегка запоздал. Я уже и так прекратил загулы.

– С чего бы? – улыбнулся Сашка, пуская в провонявший капустой воздух колечки дыма.

– Да ты погляди сам: с кем тут спать?! – возмущенно воскликнул я. – А еще говорят, что, став студентками, девочки расцветают, как же!

– С пацанами спи, – невозмутимо пожал плечами Сашка. Я задохнулся и махнул рукой.

Время шло. Я окончил второй курс, а Сашка, успевший стать мне другом, защитил диплом и переехал в Москву – под крылышко к влиятельному родственнику, обещавшему помочь ему открыть собственный кабинет психологической помощи. Успех уже стучался в Сашкины двери, когда я получил от него странное письмо. Обычно мы созванивались или слали друг другу электронные письма, но на этот раз он меня удивил необычностью послания. Прямо девятнадцатый век! Это было первое письмо в конверте, которое я получил за всю свою жизнь.

«Привет, – писал друг. – Странные шутки учиняет над нами жизнь. Вот только я уже свыкся с мыслью, что наконец сбудется моя мечта и я стану помогать людям, попавшим в затруднительное положение, как оказывается, что мне самому нужна помощь, да еще какая!

Виталья, помнишь ли ты парня из моей комнаты, умершего от страшной болезни? Если нет, очень прошу: вспомни!

Представь, я болен тем же. Обнаружилось это случайно, когда я сдавал анализы перед началом работы. Мой кабинет открылся, и люди записываются ко мне на прием. Я провожу с ними сеансы, а сам трясусь, как кролик, что они увидят в моих глазах отражение своего ужаса. Не знаю, что я за психолог, если себе не могу дать совет и придумать оправдание! Я не сплю ночами, хотя боль меня не мучает – я вообще ничего не чувствую. Напиши мне хоть что-нибудь. Ты же всегда неплохо разбирался в людях, хоть и видел их по-

чему-то с черной, худшей стороны. Напиши, ты уже давно мне друг, хотя спиной я бы к тебе не повернулся. Пока. Черемиллов А.Д.»

Его широкая размашистая подпись говорила скорее о его уверенности в себе, чем о том, что он так нуждается в моем письме, как утверждает.

А еще меня неприятно резанула его заключительная сентенция о моей способности дружить. Я ведь всерьез привязался к нему и думал, что он уважает меня и мою прямоту. Хотя, судя по его просьбе, действительно уважает.

То, что Сашка болен смертельным вирусом, дошло до меня не сразу. А когда дошло, я впал в отчаяние. Пусть он пишет, что ничего не чувствует, но ведь ясно же, что он умирает. Кошмар какой-то! От кого же он заразился – неужели от этого парня?! А если я, в свою очередь, подцепил эту заразу от него?! Мы же сотни раз курили одну на двоих сигарету и пили из одной кружки...

Через день я уже сдал анализы и на гепатит С, и на СПИД. Ужас держал меня в своих когтях вплоть до моего звонка врачу, сообщившему мне, что все в порядке. Тогда я сел за ответ Сашке. Я сразу понял, что друг просит не утешения, – он всегда был очень умен и сам хорошо понимал, что глупым нытьем горю не поможешь. Он скорее нуждался в ободрении и уверении, что мы по-прежнему друзья. Он хотел знать, не отвернусь ли я от него, узнав о диагнозе. Я написал, что не отвернусь, думая про себя, что, идя на риск, испытываю

необыкновенное наслаждение, будто поднимаюсь над простыми людьми, чьи друзья болеют всего лишь гриппом.

Сашка ответил благодарным письмом и сообщил мне, что заплатил чудовищную сумму за лечение какими-то новыми препаратами.

Я пожелал ему удачи.

Мне бы не хотелось подробно описывать то, что случилось как раз когда я готовился к серьезной защите своего курсового проекта, но я решил для себя: белых пятен в моем рассказе должно быть как можно меньше, так что извольте читать и о том, как умерла моя мать.

После Нового года ударили настоящие морозы. В нашей общаге перемерзли трубы, на полу вечно стояли лужи с плавающими в них окурками; в окнах что-то постоянно потрескивало, и я уже начал подумывать о временном возвращении домой. И вот после бессонной, мучительной ночи в ледяной постели я стал сворачивать чертежи. Не успел я укатать толстый рулон в тубус, как на пороге моей комнаты возникла грязная девчонка лет двенадцати. Ее рожа показалась мне смутно знакомой.

– Ты чего? – не очень любезно осведомился я, продолжая скидывать в спортивную сумку свои пожитки.

– Ты же Виталя Павлов? – хмуро отозвалась моя гостья, громко шмыгнув красным носом.

– Ну я. – Я кивнул и вдруг узнал ее. Она была дочерью наших соседей, таких же алкашей, как и мои предки. Девчонку звали Любкой, и ей повезло сравнительно больше, чем мне: у нее была трезвенница-бабушка, заботившаяся о ней, когда ее родители терялись в волнах вон и спирта. – Чего надо-то?

– Мать тво­я помер­ла вче­ра, – буд­нич­но сооб­щи­ла де­вчон­ка и сно­ва шмыг­ну­ла но­сом.

– Что? – Я сел на сум­ку, не по­чув­ст­во­вав по­на­ча­лу, как в яго­ди­цу впи­лся цир­куль. – Моя мать?

– Ага. – Люб­ка рав­но­душ­но кив­ну­ла. – Пе­ре­пи­ла.

Я уже го­во­рил, что не лю­бил ни мать, ни от­ца, лиш­ним бы­ло бы при­т­во­рять­ся и те­перь, ко­гда старая от вод­ки, чу­жая мне же­н­щи­на оста­ви­ла этот мир. Я вы­та­щил из-под се­бя сум­ку и ус­та­вил­ся в про­стран­ство пе­ред со­бой. Гряз­ная ро­жа Люб­ки раз­дра­жа­ла, и я мах­нул на нее так и не упа­ко­ван­ным сви­те­ром:

– Ва­ли от­сю­да!

Де­вчон­ку как вет­ром сду­ло.

До­мой я не по­ехал. Я не знаю, кто, как и где по­хо­ро­нил мою стару­ху. Ну что, до­воль­ны? Да, мне бы­ло немно­го груст­но, но что­бы пла­кать, го­рю­я, нуж­но чув­ство или хо­тя бы бла­го­дар­ность. Ни­че­го это­го я не ис­пы­ты­вал – так за­чем при­т­во­рять­ся?

Че­рез пол­го­да я про­дал ро­ди­тель­скую квар­ти­ру и купил се­бе дру­гую, по­мень­ше, за­то в бо­лее пре­стиж­ном рай­оне. Вы спро­сите, ку­да де­вал­ся мой от­ец? По­ня­тия не имею, где око­чу­рил­ся этот вшив­ый вы­ро­док. Не знаю и знать не хо­чу! Он про­пал еще рань­ше по­хо­рон ма­те­ри.

У меня на­чи­на­лась но­вая жизнь.

Я сооб­щи­л Са­шке свой но­вый а­дрес и те­ле­фон, и мы ста­ли об­щать­ся ча­ще. Друг про­дол­жал ле­че­ние и жа­ло­вал­ся мне на

странное ощущение пустоты. Уколы, капельницы, таблетки сыпались на него со всех сторон; деньги таяли, здоровье не мешало жить, а анализы упорно ухудшались. Я спрашивал Сашку, уж не сфабриковали ли ему этот чертов вирус, чтобы вытягивать деньги, но друг лишь усмехался:

– Ты знаешь, иногда мне кажется, что, если б не уколы, я бы так и умер тихонечко, ни разу не вскрикнув от боли.

– Значит, тебе все-таки хуже? – спросил я его как-то.

– Да не то чтобы, но температура иногда поднимается безо всякой причины...

– Лечись, понял? – прикрикнул я на него. – Ты всем нужен!

– И тебе? – в голосе его слышалось волнение.

– Конечно, о чем разговор! У меня совсем никого нет, представь себе только, никого! – Меня почему-то затрясло. Этот парень стал мне дорог, он слушал меня, умел сказать то, что я желаю слышать, и всегда давал хорошие советы. Я не мог допустить, чтобы он взял и умер.

После моих убежденных заявлений Сашка успокоился, и мы весело проговорили больше часа. Раньше я и не знал, как это здорово – иметь друга. Интересно, что Сашка беспокоился обо мне даже больше, чем я о нем, хотя уж я-то точно на здоровье не жаловался. В конце каждой беседы он встревоженно прибавлял:

– Ты поосторожнее, ладно, Виталька?

Смешно, чего он так боится? Может, того, что я нарвусь

на какую-нибудь дрянь с букетом разных болезней? Не могу в это поверить, он же знает, что я давно не выхожу из дома без презервативов, да и женщины уже не манят меня так, как раньше. С виду – привлекательные сексуальные создания, а на поверку – алчные, глупые, испорченные. Я продол жаю общаться с ними, но теперь им меня не провести! Вот бы встретить по-настоящему близкого мне человека, понимающего, чуткого, с чувством юмора, готового брать от жизни все только самое лучшее. Но мне пока не везет. Сашка смеется над моими жалобами и говорит, что у меня еще все впереди. Что ж, подождем.

И я ждал. А тем временем продолжал осмотрительно развлекаться с готовыми на все ради меня девчонками-однокурсницами. Я знал, что так не может продолжаться вечно, но заставить себя уняться не мог. Наверное, Сашка бы очень осудил меня, когда бы узнал, что по свету бегают не меньше сотни детишек, как две капли похожих на меня. И правильно бы сделал, и лучше бы мне признаться ему и выслушать от друга гневную речь.

Я много думал в то время. Мысли мои были то легкими и беззаботными, я с радостным предвкушением ждал перемен и старался не пропускать ни одной вечеринки, ни одного праздника или встречи, то на меня нападала глубокая тоска, и я со страхом ожидал удара в спину от судьбы. Кажется, в обоих случаях я был честен с самим собой: искренне веселился и искренне боялся. Одному на свете жить непросто.

Может быть, именно от недостатка внутрисемейных отношений я и мотался по свету в поисках приключений. Именно в ту пору я стал замечать за собой тягу к переменам. Я не задерживался подолгу ни на одном рабочем месте. Мне все быстро наскучивало, и я с легким сердцем увольнялся. Я не заводил постоянных, длительных связей. От девушек, видевших в каждом новом мужчине своего потенциального мужа, меня тошнило, а от потаскух тошнило еще мучительней. Я ждал, искал, но, как это часто бывает, чем жарче желал, тем холоднее оказывался душ разочарования.

Я уже получил диплом, но совершенно не знал, что с ним делать: к тому времени быть архитектором мне уже расхотелось. Я, конечно, по-прежнему любил свой город, но, видя, как его украшают другие руки, свои прикладывать не хотел. Может, я труслив? Спросил об этом Сашку. Он высмеял меня в очередном письме и посоветовал попробовать свои силы во всех отраслях, возможных и невозможных. Ведь бывает же так: учишься на одно, а призвание находишь совсем в другом.

Я поработал продавцом кассет и дисков, и, возможно, даже привык бы к этому интересному, людному местечку, но, как оказалось, мой хозяин ввозил в страну нелегальное порно и пиратские копии – и магазинчик прикрыли. Потом я устроился на завод по производству масла и майонеза. Вот где было раздолье! Попривыкнув к тяжелому графику работы, я быстро научился приторговывать продукцией, вывозя

ее на машине одного знакомого охранника прямо с территории комбината. Через полгода мои махинации накрылись и я опять потерял работу. «Ну и фиг с ней!» – подумал я, успевший обставить свою маленькую квартирку приличной мебелью.

Кстати, работал я не из-за денег. Мне вечно хотелось чего-то качественного. То ли общения, то ли усталости, то ли приобщения к миру остальных людей, но быть «как все» мне не удавалось.

Месяц-другой я болтался без работы. Потом пошел учиться в бар на официанта, но бросил, не успев понять, что к чему. После были магазин канцтоваров, ночные часы сторожем в садоводстве «Речушка», работа оператором на заправной станции, а потом – снова месяц безделья. Чертов месяц перемен.

Она подошла ко мне и встала рядом. На скамейке возле рынка было пыльно. Кругом воняло безвкусной едой, лаяли собаки, спали бомжи, ругались торговцы, голосили старухи. Я присел отдохнуть и молча курил, глядя перед собой. В компании я не нуждался.

– Можно? – Голос ее был чуть осипший.

– Садись. – Я лениво пожал плечами, но подвигаться не стал. Она втиснула свое полное тело, ничуть не смущаясь, между мной и подлокотником скамейки.

– Пойдем ко мне, – тихо произнесла она, отдышавшись.

– Чего?! – Только сейчас я удостоил ее взглядом. Она оказалась довольно приятной, несмотря на избыточный вес. Голубые глаза смотрели прямо, ясно, светлые тонкие волосы были уложены в нелепую прическу, и в свои двадцать пять – двадцать восемь она выглядела на сорок. Но, повторюсь, она была приятной.

– Я говорю... – Она откашлялась. – Я говорю: пойдем ко мне. Я тебя покормлю хоть... – И приоткрыла сумку, словно в доказательство своих слов. Оттуда призывно пахнуло копченостями и свежей выпечкой.

– Я выгляжу голодным? – Я рассмеялся. С ее прямоотой бороться было трудно.

– Еще каким, – уверенно кивнула она. – Пошли же. Я одна

живу, никто тебя не тронет.

Я хохотнул – смех мой прозвучал немного нервно, – но поднялся и галантно подал ей руку, кривляясь. Смех, да и только! Посмел бы меня кто тронуть!

Мы шли рядом. Я нес ее сумки с продуктами, а она ласково держала меня под руку, и ее пухлые пальцы мягко сжимали мой локоть.

Женщины снимались по-разному. Иногда мне достаточно было повести бровью; иногда попадались орешки потверже, и я обхаживал их днями, но никогда – неделями, но чтобы приглашать на обед посреди бела дня, да еще так безыскусно, тепло, я бы сказал, по-матерински, со мной такого еще не бывало. Конечно, я согласился.

Жила она и вправду одна, и очень-очень уютно. По ее словам, она недавно потеряла любимую мамочку, и теперь ей страшно одиноко. Замужем она никогда не была, и ее мамаша – такая же жирная, судя по фотке в черной рамочке, – тоже.

Я присел на стул в кухне – голубенькой и чистенькой – и почувствовал, что еще немного, и усну. Такой нетронутой, невинной была атмосфера вокруг, и сама хозяйка полностью вписывалась сюда, как я вписывался обычно в прокуренные бары ночных клубов.

Ее голос разбудил меня:

– Мой руки, все готово. – И я вскочил со стула, еще не разлепив до конца тяжелые веки. Надо же, действительно смо-

рило.

Аромат стоял безупречный – мой рот тут же наполнился слюной. Надо сказать, мой желудок с детства не был избалован деликатесами. В далекие времена, когда мне было лет пять, меня еще возили в парк и кормили мороженым, потом же лучшим, что я ел, были сосиски с картошкой, а потом, еще позже, – шашлык с пивом, только на него у меня никогда не было денег. Можно себе представить, что запах еды чуть не довел меня до обморока. После обеда я снова заснул на диване в крохотной комнатке с задернутыми портьерами. Жар солнечного дня не проникал сюда, и название «спальня» полностью оправдывало себя.

Хозяйка гремела посудой; шумела вода; блеяла кошка, вертась у ног и выпрашивая огрызки колбасы. Я спал, спал, спал, словно обрел наконец, покой, и впервые не видел снов. Хороший это был день, когда я встретил Аллу, когда наелся и выспался.

Я остался у нее. Мы это даже не обсуждали. Говорят, у каждого человека на Земле есть свой дом. Не то место, где он родился и вырос, а то, куда тянется его душа на протяжении всей жизни. Кому-то везет, и он находит свой берег: вот так просто выплывает из тумана – и р-раз, лодка врежется в дорожную сердцу сушу. А кто-то ищет, мучается, понимая, что живет где-то не там: и солнце не греет, и яблоки кислят, и вино горчит... Я жил так, но, кажется, туман наконец рассеялся.

Алла полюбила меня и дарила свою любовь ежеминутно. Честно сказать, меня иногда это даже утомляло. Я привык к независимой, вольной жизни скитальца, а она хотела быть со мной неразлучна. Она ходила на работу (хорошую, высокооплачиваемую, как я позже выяснил) и по вечерам возвращалась, волоча полные сумки продуктов. Уж в чем мы с ней сходились, так это в любви вкусно покушать. Все вечера и выходные мы что-то жевали. Алла готовила трижды в день, и в доме всегда пахло, как в ресторане. Особенно ей удавались мясо и выпечка; неудивительно, что она еле проходила в двери.

Любить ее было интересно (я имею в виду секс). Душа моя так, кажется, и не откликнулась на ее чувства, а вот тело... Я был ей благодарен и спал с ней, давая ей то, что мог дать, что она ждала от меня.

Конечно, я хотел бы жениться на другой – более образованной, стильной, яркой, – но Алла во многом превосходила известных мне светских львиц, и я согласился пойти с ней в загс.

Нас расписали без всяких лишних церемоний. Никаких пьяных родственников, скабрёзных шуточек друзей, потеющих в шелке подруг, ревущих и сморкающихся родителей, делающих это так громко и пронзительно, будто звучит не свадебный марш, а похоронный. Тьфу, отвязались! Мы отметили это событие в кафе. Немного потанцевали. Алла оделась безвкусно, чем привлекла внимание посетителей кафе.

Мужчины откровенно пилились на нее, их спутницы хихикали и шептались; я захотел домой. В такси Алла плакала, размазывая неумело накрашенные глаза. Я хотел обнять ее и утешить, но мне самому требовалось чье-нибудь сочувствие. Уже в загсе я почувствовал потребность сбежать, но подавил в себе это низменное, не делающее мне чести желание; теперь, в темном, пахнущем духами моей жены такси, на меня накатило вновь.

Ошибка, все ошибка! Мне двадцать семь. Я красивый высокий блондин с небрежной челкой над смуглым от загара лбом. От моих синих глаз захватывает дух у всей женской половины нашего небольшого города; трахаюсь я как порнозвезда, а моя жена ревет у меня на плече, вздрагивая всем своим полным телом, и захлебывается соплями от осознания своего уродства. Куда я смотрел? О чем думал?

«Нет, так нельзя! – оборвал я себя. – Я взрослый, мне нужен свой дом, семья, дети». Меня передернуло от отвращения. Лгать не получалось.

Женатому мужчине положено работать. Это не я сказал, это истина. Если ты взвалил на себя груз проблем, изволь прибавить к ним еще одну. Я еще легко отделался: у меня не было тещи!

– Виталя, – голос жены разбудил меня от размышлений, – когда ты пойдешь работать?

Я скривился. Год, полтора, два она все молчала, а теперь вдруг огорошила.

– Что это ты раскомандовалась? – Я удивленно посмотрел на нее. – Тебя же все устраивало?

– Я беременна. Скоро мне надо будет уйти с работы; кто станет о нас заботиться? – Губы ее расплылись в улыбке, но настороженное выражение, раздражавшее меня постоянно, никуда не делось.

– Че-его? – Я аж вскочил. – Только этого не хватало!

Она отшатнулась. Лицо ее мигом посерело:

– Т-ты не рад... – обреченно произнесла она. – Я так и знала.

– Раз знала, какого черта перестала пить таблетки?! – заорал я. – Вот уж поистине дура-баба! Почему ты не посоветовалась со мной насчет ребенка? Думаешь, если ты работаешь и кормишь меня, то и спрашивать меня ни о чем не надо?

– Мне тридцать три года. Я хочу детей, а ты даже не заикнулся ни разу об этом. Ты меня никогда ни о чем не спрашиваешь, кроме одного: готов ли ужин! – Она тоже заорала. – И шляешься ты где-то, и трусы у тебя чужие в карманах, и в книжке телефонной сплошь бабские номера, и деньги, что я тебе даю, слишком быстро кончаются! Ты негодяй, подонок! Почему я не сломала обе ноги в тот день, когда подошла к тебе? Гад! – Она замахнулась на меня полотенцем. Ее уже всю трясло. Я перехватил ее руку и жестко бросил, уходя:

– Так какого черта ты собираешься рожать ребенка от гада и негодяя?

Ночевал я у себя в квартире, превратившейся за последнее время в «траходром». Я вновь принялся за старое. Скандалы и вечно ноющая супруга не вызывают в мужчине сексуальных желаний – я стал задерживаться здесь подолгу. Она была права: я изменял ей и вел себя как последняя сволочь. Но в меня словно дьявол вселился.

Через два месяца я приехал к Алле за вещами. Она стала еще толще, хотя по срокам беременна была совсем недолго.

Я молча складывал рубашки, костюмы, джинсы, а она плакала в уголке спальни, вытирая щеки кулаками.

– Не уходи, Виталя! – просипела она. – Подожди, когда рожу.

– Ага, а до этого мне девять месяцев жить в аду, выслушивая твои придирки и упреки?

– Шесть... уже шесть, и не в аду. Я люблю тебя.

Я рассмеялся, хотя на душе веселья не было. Ужас!

И вдруг она покачнулась и упала. Грохнулась лицом вперед на ковер, не успев даже прикрыть голову руками. Я вско-
чил и понесся к телефону.

Прошло две недели. Я приехал за Аллой в больницу, но она не захотела идти со мной.

– Я уже договорилась с Юлькой. С работы. Она меня отвезет. – Холод в ее голосе сказал мне все лучше слов.

– Как ты себя чувствуешь? – глупо спросил я.

– Я ненавижу тебя, – спокойно произнесла моя бывшая жена. – Ты все отнял у меня. И любовь, и надежду, и ребенка. Уходи.

– Ребенка не будет? – упавшим голосом переспросил я, чувствуя, как по спине ползут мурашки страха.

– Нет. Никогда не будет. – Она всхлипнула и отвернулась.

– Алла... – Я испуганно потянулся к ней, но она окатила меня еще одним надменным взглядом.

– Убирайся! Тварь! Ты пустой, никчемный кобель, и жизнь твоя закончится так же никчемно!

Я уехал. Больше я ее не видел. Это был мой дом, а я и не понял.

Узнав о моем разводе из очередного письма, а точнее – небрежной отписки, Сашка пришел в ярость. Если бы слова, положенные на бумагу, способны были оживать при вскрытии конверта, они удавили бы меня своими закорючками – так зол был Сашка.

«Ты придурок! – писал он, и одно слово от волнения налезло на другое. – Ты придурок! Алка приютила тебя – вшивого, бездомного пса, – отмыла, согрела! Бог мой, и почему ты такой неблагодарный? Другой бы мужик уже за одно то, что ему позволяют ни хрена не делать, исполнял бы все ее прихоти, так нет же! Ты что, переломился бы, если б помог ей растить сына... Как я разочарован! У тебя нет ничего святого. А я потом по три года лечу подобных Алле женщин от депрессии! Ты еще не понял, что сломал ей жизнь?»

И так еще две страницы. Напоследок Сашка приписал фразу, которая уколола меня куда больше прощального взгляда Алки и всего выше написанного: «Предательство – твоя сущность, Виталя. Не пиши мне больше. Ч.»

Я вертел листок в руках и чувствовал, как слезы начинают жечь глаза. Несправедливо. Друг же просил делиться с ним всем, что со мной случается, – и вот, пожалуйста. Видно, не все может стерпеть его дружба, не все оправдать. Да и странно требовать от него сочувствия, если я сам себя простить не могу. До сих пор, хотя прошло почти десять лет, до сих пор вижу то письмо. Его буквы горят огнем на белой бумаге, выписанные рукой моего единственного, ныне покойного друга. Прости, Сашка...

Позже мы снова стали переписываться, и я первый предложил ему это, хотя очень опасался, что принципиальный друг проигнорирует мое послание. Нет, пронесло. Он ответил. Сухо. Лаконично. Словно прощая не на все сто, а как бы

условно, но его размашистая подпись в конце письма сказала мне все лучше хитрых фраз – он тоже был рад примирению.

Началась моя жизнь без Аллы. Меня больше не одевали, не кормили и не давали денег. Копить я не умел – сразу тратил все до копейки на развлечения, хорошие салоны, одежду. Будь у меня побольше практицизма и поменьше тщеславия – наверное, сейчас я бы не знал бед: сумма из тех денег, что дарила мне жена, сложилась бы порядочная. Но себя в один момент не переделать, а работать я не хотел. Впрочем, если бы место меня полностью удовлетворяло, я осел бы, но мне ничего не подворачивалось.

Деньги кончились. Все. В клубах, даже в тех, где я слыл завсегдатаем и знал всех барменов, мне перестали наливать в долг. Знакомые ребята криво улыбались мне и непонимающе пожимали плечами на мои просьбы. В кредит никто из них не жил, и другим жить за свой счет они не позволяли, несмотря на кажущуюся мягкость нрава. Я вынужден был покинуть их круг, который, не скрою, стал мне необходим, близок.

Поиск работы затянулся. Там, где хорошо платили, было скучно и нужно было вкалывать от зари до зари; там, где мне было более-менее интересно, вакансий не было и не предвиделось. Я понял: требовалось нужное знакомство, а его-то я как раз и не имел.

Одному жить хорошо, пока есть на что. Все люди одиночки, но, даже зная это, они с легкостью оставляют в одино-

честве своих близких и друзей. В этом обществе выживают успешные.

Я долго терпел, но ждать больше не было сил и смысла. Я позвонил Сашке. Молчание его было многозначительным. Я уже было подумал, что нас разъединили, но тут он заговорил.

– В Москву не приглашаю, тут своих жиголо хватает.

Я почти видел, как он улыбается, и хмыкнул в ответ:

– И не нужно. Я готов работать и здесь, вот только...

Он перебил меня:

– Знаю я твое «готов»: ты не задержишься на одном месте дольше, чем на полгода, но совет тем не менее я тебе дам. Один мужик в вашем городе способен тебе помочь; другое дело, что ты должен показать, что готов помочь ему. Я напишу рекомендацию, что ты, мол, коммуникабельный, ловкий, хороший друг, а он уже определит, годишься ты хоть куда-нибудь...

– «Хоть куда-нибудь»! Хорошего же ты обо мне мнения! – возмутился я.

– Не будем это обсуждать, – прохладно заметил он. – Итак, тебе нужна моя помощь?

– Еще как! – смиренно заверил я его.

– Ладно. Жди, я пришлю рекомендацию и телефон этого мужика.

– Спасибо, Саша, ты не представляешь... – Но он снова не дал мне договорить:

– Ты отлично знаешь, почему я это делаю, и не строй ил-

люзий, что ты свободен от меня. Пока.

– Спасибо. – Я сжал трубку в руке и прижался пылающим лбом к прохладной стене прихожей. Я знал, почему он помог мне, знал, хотя гнал от себя эти противоречивые мысли. Я был ему благодарен, но при этом страшно раздосадован, что Сашка ведет игру в одни ворота, и я ничем, в свою очередь, не могу помочь ему.

Слово он, как обычно, сдержал. И уже через два дня после нашего с ним разговора мне назначил встречу Кузакин Вениамин Дмитриевич, один из менеджеров российского концерна BMW, представленного филиалом в нашем городе. Я обалдел, но пошел.

Черт, он меня принял! Неужели у моего друга такая власть? Я до сих пор не знаю, радоваться мне или огорчаться, ведь не будь у меня этой работы, все могло бы кончиться совсем по-другому. Возможно, я не писал бы эти строки, сидя под чужим мне, как оказалось, небом, так и не обретя своего дома и не зная, кто первым прочтет их после того, как найдет. И в причудливом, диком узоре произошедших со мной перемен не было бы шелковой ниточки отличного от других цвета, яркой, пьянящей, душащей ниточки моей любви. Спасибо, Сашка, или будь ты проклят? Я не знаю.

Итак, я приступил к работе. В мои обязанности входило демонстрировать машины клиентам, рассказывать все технические подробности, выписывать квитанции и вносить все данные о купле-продаже в компьютер. Несложно, но понача-

ду я страшно нервничал.

– Чего психуешь, пацан? – Бородатый покупатель, первый за мою первую рабочую неделю, добродушно уставился мне через плечо на экран, где нужные цифры никак не высвечивались. – Вон на ту кнопку, а теперь на эту, тоже мне премудрости! – Он громыхнул басовитым смешком. – Ты со школы только, что ли?

– Простите, – пробормотал я и повторил попытку. Слава богу, принтер заработал, и квитанция выползла прямо в руки бородачу.

– Ха, – сказал он, хмурясь, и пробежал глазами колонки, – справился, надо же! Ладно, кати мою тачку и смотри, чтоб без косяков!

На негнущихся ногах я пошел в демонстрационный зал. Его новая игрушка сияла в искусственном свете всеми боками и хрусталем фар. Я и сам не помнил, как посмел коснуться ее. Мотор заурчал – бог мой! Вот эта работа! Вот она! Запах бензина, шорох покрышек, кожа под рукой, цокот музыки, огоньки панели управления! Я на месте! Бог мой!

– А-а!!! – Клиент потер руки. – Вот она! Вот она, моя красавица! Давай, вытряхивай свою жопу оттуда. Ах ты боже ты мой! – Он хмыкнул, посерьезнел и сел за руль. Меня потрянул озноб ревности, словно это была моя «пятерочка», черная, как пантера, только и ждущая, когда в лобовое стекло ударит солнце над автострадой и умелая сильная нога хозяйина вгонит педаль газа в пол. – Пока! – Мужик помахал мне

квитанцией и рванул к воротам зала.

– Пока, – злобно процедил я и вернулся за стол.

Оказывается, если салон продает хотя бы раз в неделю хоть одну машину, это считается верхом коммерческого успеха. Я узнал это, когда в конце недели ко мне в офис явился сам Кузакин. Он улыбчиво огляделся и пожал мне руку со словами:

– Ну ты и барыга, Павлов! Ха-ха, три «бэхи» за первую неделю работы – поздравляю!

Я смутился, но руку пожал крепко и поблагодарил, сам не подозревая, что мне сулит мой так называемый «успех».

– Премию в кассе, – обронил Кузакин и, забыв обо мне в ту же секунду, пошел в следующий кабинет.

«Это же хорошие деньги! – растерянно думал я, считая бумажки, выданные мне вечером кассиршей Олей. – Я раньше за неделю столько не получал, за месяц еще, может быть...»

И понеслось! Удача прочно поселилась в моем офисе. Я торговал машинами, как горячими пирожками. Кузакин отметил мое обаяние, но сказал, что дело не в нем, точнее, не только в нем. По его мнению, я обладал даром убеждения. Так или иначе, с деньгами у меня больше проблем не было. И понеслось... Клубы, бары, модные салоны, где у меня появился персональный мастер – парень чуть младше меня, прекрасно справляющийся с моими капризными волосами. А еще я умудрился скопить некоторую сумму – я решил купить машину (не BMW, конечно, где уж), но какую-нибудь

«тойотку», чтобы особо не отличаться от моих новых знакомых. Женщины заколебали.

– Они на тебя слетаются, как мухи на... – Стилист, с которым я завел дружбу, кивнул на танцующих девушек в самом центре зала.

– На что? – Я легко допил свой коктейль и жестом попросил смешать мне еще один. Мне не понравился его намек.

– На мед! – хохотнул мой новый друг.

– И что? – Я пожал плечами.

– Этим нужно пользоваться, – удивился он моей тупости.

– Я уже однажды попользовался. – Я горько усмехнулся, как ветеран, вспомнивший одно из самых кровавых сражений.

– Один раз – не... – Парень заржал. Зубы – белые, мелкие, как у хищного зверька, – сверкнули оскалом.

Я отвернулся. Тема была не из лучших. Он понял и сменил ее.

– Тебе не мешало бы височки подровнять, – профессионально заметил он, – и подсветить несколько прядей.

– У меня завтра солярий, – сказал я. – Зайду к тебе часов в девять, свободен?

– Нет, конечно, но я подстроюсь.

Мы снова заказали по коктейлю.

Я похвастался Сашке своими успехами. Теперь, когда мои финансы закончили петь и выровнялись в соответствии с моими потребностями, я стал звонить Сашке, не жалея денег на

оплату межгорода. Эта проблема больше не существовала. От его писем же у меня начинала болеть голова – столько в них было пафоса, сочувствия, тревоги, нежности, грубости. Я злился, главным образом потому, что не мог возразить тут же, и мне приходилось сочинять ответ, а на бумаге все, что я хотел сказать, превращалось в бесстрастный пустой текст. Сашка умел писать живо, ярко, я же строчил прописные истины, на деле не следуя им и не думая так, как хотел зачем-то показать. Сашка понимал мой неуклюжий слог и что-то там своим психологическим оком умудрялся разглядеть и даже ответить адекватно, но я же... А, ладно, теперь я звонил ему и выкладывал все как есть в своей манере.

– Саня, я все-таки устроился на работу! – протараторил я на одном дыхании вместо приветствия.

– А ты сомневался, что так будет? – В голосе его даже за сотни миль слышалась усмешка. – Я тебя подводил когда-нибудь?

– Нет! Нет, что ты, но в жизни вечно всякие сюрпризы бывают. – Я был так рад, что, взяв примирительный тон, добавил: – А еще у меня теперь есть друг!

– Вот это новость! – Сашка сник немного, но интерес из его голоса не пропал. – Продолжай.

– Да, в общем-то, пока нечего рассказывать. Он так, стилист, волосами моими занимается, но профессионал, конечно, – я теперь вообще круто выгляжу!

– Не сомневаюсь. – Сашка стал холоден. – Ты смотри там,

поаккуратней с незнакомцами. Не спеши его в друзья записывать, а то мало ли что.

– Ну что еще? – Я слегка огорчился: не может по-человечески порадоваться за меня. – Чего ты мне все омрачаешь?!

– Я просто очень хорошо знаю тебя, Виталя, вот и все, не психуй. Я рад за тебя, правда.

– Ты что считаешь... – я задохнулся в ярости, – продолжаешь считать меня подонком?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.